

Георгий Гачев

Русская мысль —
Париж — 1995 — 14 деп. —
с. 10.

Бахтин — сфинкс

Последний из могикан русского религиозно-философского возрождения XIX—XX веков, М.М.Бахтин угодил в советскую эпоху и цивилизацию и пребывал в ней как инородное и тело, и дух, и ум. Но парадокс состоит в том, что Бахтин есть мыслитель и советской эпохи — как цивилизации «большого стиля».

скурил экземпляр во время войны, надеясь, что первый в издательстве цел, а он и пропал...).

Но была в нем и не плоская рационалистическая «философская вера» Ясперса. Вспоминаю разговор с ним в 1964 году в оранжерее в Малеевке. Я тогда собирался писать «Историю совести» и пришел к нему «апробировать» идею. Он выслушал, потом спросил: «А на что вы обопрете совесть?» На мое молчание-мычание он пояснил: «Для меня это — Бог». Мне же Он смутен. Тогда он добавил: «Ну что ж, пишете, как будто бы совесть — последняя инстанция. Это возможно и правдоподобно будет».

Вот в таком «как будто» полонется, закрыт глубинный смысл его текстов. Но это не значит, что он точно ведал Истину, а вуалировал ее в кенозисе, нисхождении в возможный в те времена стиль высказывания. Нет, тут рок вообще предельного мышления: опоры там и тверди ускользают, и Сократ признает: «Я знаю только то, что я ничего не знаю». А Н.колай Кузанский исповедовал «ученое незнание».

Еще из памятных его слов и реплик. В 1970 году летом я приехал к ним в дом престарелых в Гривне и показал книгу Эдуарда Шюре «Великие посвященные» издания 1895 года (что дали тогда мне — просвещать в теософии), полагая, что она в них вызовет отклик. Елена Александровна повертела, узнала, улыбнулась: «Да прошли мы в свое время через эти "эзотеризмы". Много там эротики». — «Но ведь это все — второй сорт!» — сказал Михаил Михайлович. — «А что тут первый сорт?» — спросил я. Он, подумав: «В этой литературе вообще нет первого сорта».

Он — из интереса или из вежливости — спрашивал, над чем я работаю. «Над собой», — ответил я. — Главное мое писание есть жизненно-философский дневник «жизнемыслей», а внутри него размышляю о предметах разных, в частности, трактаты о национальных образах мира пишу; некая повесть Пруста со Шпенглером — мой жанр». На это он заинтересованно реагировал.

«Раз отказываюсь от публикации, то выхожу на полную свободу мысли и творчества и все себе позволяю напрямую высказывать — простодушно и искренне», — дополнил я. И тут он с некоторой горечью: «И я бы хотел так, но...»

Понятно, какое «НО»! Последний из могикан русского религиозно-философского Ренессанса рубежа XIX—XX веков, Бахтин, как и А.Ф.Лосев (иная крупная ипостась подобного поддонного модуса вивенди и типа мышления), угодил в советскую эпоху и цивилизацию и пребывал в ней — как инородное и тело, и дух, и ум. И, естественно, должен был уйти с поверхности и залечь на дно, как глубоководная рыба, по древнему принципу мудрецов: «Живи незаметно». «Lathе biosas» («Скрывайся, живущий!») — учил Эпикур. А в латинском варианте это звучит: «Bene qui latuit, bene vixit» («Кто хорошо скрылся — хорошо прожил»).

Однако он все же высунулся — в 20-е годы: вел в Витебске и Петрограде философские кружки. А его книга «Проблемы творчества Достоевского», вышедшая в 1929 году, получила восхищенный отзыв Луначарского. Но когда пошел «великий перелом» — станового хребта России: и народа, и крестьянства, и русского ума, — удар пришелся и по Лосеву, и по Бахтину.

Но даже до прямых ударов по себе Бахтин разработал нишу, где обитать, панцирь и скафандр, под коим жить, мыслить, страдать, творить. Эта сфера — Слово.

Он — религиозный мыслитель и философ под формой литературоведа, пишущего о Достоевском, Рабле, Гоголе... Литературовед поневоле — но зато какой! Он исследует не «приемы», «сюжет и фабулу», «остранение», как славные в ту декаду «русские формалисты», пришедшие ко двору технократическому замыслу большевиков (Тынянов, Шкловский...); у этих все на поверхности, понятно-очевидно, без тайны-глубины, которые выворочены, перелицованы и сведены к технологии: «Как сделана "Шинель"» (Эйхенбаум). У Бахтина же текст многослоен,

многоэтажен: в нем каждый найдет пишу по мере развития своего и ума.

Вот книга о Достоевском. В ней литературоведы потрясены невероятным доселе толкованием: персонаж, герой романа может выступать как автор своего сознания, равномошный своему творцу — автору романа. (Кстати, идея — в духе теории множеств Кантора, где часть может быть равномошна целому).

Ведь самоочевидным представлялось дотоле, что автор — царь и бог в своем произведении, «вседержитель-пантократор» и всеведущий. И это — открытие Бахтина в «достоевковедении».

Но то — первый пласт содержания книги. А поглубже — чуется уравнение: автор = Бог-Творец, а его герой = человек, личность. И она ода-рена свободой воли — вот что значит «автор своего сознания».

Так что извечная проблема Духа: Предопределение и Свобода воли — ставится в этом «литературоведческом» исследовании. И «кто имеет уши — услышит» сие, через русло этой книги впадет в океан вечных тем жизни Духа и всмотрится в себя: а как в тебе эта проблема живет, действует, решается каждый миг, раз? Религиозно-философский трактат под формой книги о поэтике. Пишем одно — «поэтика», два в уме — теология. А раз персонаж произведения свободовольно ведет себя перед автором, то и меж Богом и его творением — миром и человеком — не монолог, так что одна воля Божья и Промысел работают, но и от малых сих, от личности и вещи, от ситуации и общения — исходит то, что неожиданно и вопросительно и для самого автора Бытия — Бога. Меж ними — ДИАЛОГ свободно творческий, открытый, и нет завершенности ни мира, ни истории, ни человека: они — вопрос и для самих себя, и для Бога.

«Нас еще судьбы безвестные ждут!...»

Бахтинский революционаризм в культурологии сродни историческому дерзанию эпохи — да, советской!

И вот — выхожу на парадокс, но в нем есть смысл: утверждаю, что Бахтин есть мыслитель советской эпохи — как цивилизации большого стиля. Не просто в ее хронологическое время попавший инопланетянин и творивший в условиях ее внешнего ему гнета и стеснения вольному полету его мысли, — но мыслитель, органический здесь, уловивший и промысливший глубинные проблемы XX века и советской действительности, приоткрывший их внутренней работе своего духа.

Вот его работа «О философии поступка», написанная в конце 20-х годов. Там он выдвигает идею, что сама мысль есть поступок: не может быть безответственной, самая раз-на-отвлеченная; но мышление «участно» = есть участие, а помышление — акт поведения. (Слышится тут даже созвучие идеи Ленина о «партийности» философии и литературы, то есть тоже — «участности», ибо «партия» = «часть», по-латыни).

У Бахтина эта идея порождена усилением философской рефлексии, «интроспекции», вглядывания в себя. Но ведь и на поверхности истории, в ее «текущем моменте» как раз за мысль стали судить и казнить — то, что буржуазному формальному праву не под-судно, как и не внятно классической гуманитарной науке и философии «доброе старого времени», что в кантовском формализме разделяла теоретический и практический разум, и абстрактная мысль не имеет отношения к нравственности.

Нет, в этом и органы ЧК, и Бахтин поглубже буравили. Только Бахтин разрабатывал глубину совести: даже не высказанная мысль, не перелившаяся в действие, — уже есть акт, участие в социуме, поведенческая волна, которую я внутри себя испускаю наружу и так или иначе мир формирую.

Такой слух и тонкость — у рефлেকтирующего, совестливого философа! Но ведь аналогичное и в чекисте: «нюх», «шестое чувство», распознающее, «чем дышит» данный человек...

Впрочем, еще Христос так поправлял формальный закон Моисея: «Всякий, кто посмотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с ней в сердце своем». Так что «помысел» судится как уже поступок.

Оба (Бахтин и чекист) вышли на христианский уровень в человековедении: один — как ангел, другой — как бес. Так совершалось заглубление мировой мысли, вдавненной советскими условиями идеологической тоталитарности, на следующий этаж глубины Духа и миропонимания.

Москва

Продолжение следует.

М.М.Бахтин.

Офорт Ю.Селиверстова.

Подумать только: когда мы, Сергей Бочаров, Вадим Кожинов и я, тридцатилетние сотрудники Института мировой литературы, приехали к Бахтину в Саранск летом 1961 года (с чего и началось возрождение и реконкиста дела Бахтина в нашей и мировой культуре), ему было 66 лет — сколько мне сейчас! Значит, ему «ничто человеческое не чуждо» было: и эрос, и охота видеть мир, и жажда реализации — издать свои сочинения, иметь резонанс и успех, влиять на умы...

А между тем — вдавнен в поддон текущей сверху советской цивилизации: статус его — преподаватель зарубежной литературы в провинциальном Мордовском университете. Да «скажи еще спасибо, что — живой!»

Ибо явно не та он был косточка и птица среди марксистско-ленинского искусствознания и легко еще отделался: потерял ногу в ссылке в Кустанае, еще гуманной — начала 30-х годов, в лагере не сидел.

И когда мы поджидали его после лекций на лестнице Саранского университета, на фоне неба появился невысокий, плотно сбитый, широкоплечий (так показалось, ибо плечи приняли на себя труд ног: на костылях ходил) человек — сам, как шар карнавальный, скатился с небес. Когда приблизился — уже лицо переняло на себя наше внимание — источенное мыслью, и глаза — темные и бездонные. Он улыбался, был приветлив.

Уже потом, когда их с женой, Еленой Александровной, перевезли в Подмоскowie и затем в Москву, я не раз приходил к ним, неся свои идеи и работы (он вообще всех ободрял, так что его похвала как бы даже ничего не значила), а главное — тянуло разгадать его...

Но — непонимаем оставался. Был предел, за который — «но пасаран!». Так энигмой и остался для меня. Прямо кантовская «вещь в себе»!

Множество ее явлений — налицо: и факты его биографии в дореволюционной России и СССР, и встречи-разговоры и воспоминания знавших его и слушавших его лекции. Наконец, его произведения — это главное.

Но даже они: чтение их и оригинальные и глубокие мысли там — столько же открывают, сколько и со-крывают его суть, личность. И даже возникает шальная мысль: может, он — морок, наваждение, сам есть карнавал и маска! И слова Тютчева приходят на ум:

Природа — сфинкс. И тем она
верней
Своим искусом губит человека,
Что, может статься, никакой
от века
Загадки нет и не было у ней.

А просто он — Бытие! Его путь — естественное для него прожитие, а мышление — как дыхание. Дао. И сам — как даосский монах по внешнему виду в последние годы. Хотя в христианской орбите, но был он не церковен (да и нога не позволяла ходить; кстати, поестъ вкусенького, ветчинки любит — оральный Эрос в нем, как и в Гоголе, о ком он книгу написал, но